

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

АНТОН
ЛЕОНТЬЕВ

КОД
ОДИНОЧЕСТВА

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии А. *Дурасова*

В оформлении обложки использован городской пейзаж
«Вечернее. У Подъяческого моста» (2011 г.)
художника Олега Ильдюкова

Леонтьев, Антон Валерьевич.

Л47 Код одиночества / Антон Леонтьев. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 416 с. — (Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-093270-2

Алексей Спасович всю свою жизнь посвятил одной цели — мести врагу. Беспринципный нувориш Афанасий Беспалов, пользуясь рассеянностью профессора, отца Алексея, завладел его изобретением и стал самым богатым человеком в России начала XX века. Семья Спасовичей оказалась разорена и погублена, и молодой человек поклялся — Беспалов рано или поздно поплатится за это. Мог ли Алексей предполагать, какой сюрприз преподнесет жизнь: дочь заклятого врага влюбится в него и даже станет его женой. Планы Спасовича немного изменились, теперь он решил отомстить Беспаловым по-другому... Так соединились судьбы двух семей, положив начало веку одиночества. Его тщетно пытались преодолеть и Алексей, и его жена Татьяна, ведь там, где ненависть сильнее любви, нет места счастью. Смогут ли их дети и внуки, не подозревающие о том, что случилось в далеком прошлом, избежать семейного проклятия — одиночества?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонтьев А.В., 2018
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-093270-2

...Ибо тем родам человеческим, которые обречены на сто лет одиночества, не суждено появиться на земле дважды.

*Габриэль Гарсиа Маркес.
«Сто лет одиночества»*

КНИГА ПЕРВАЯ

АЛЕКСЕЙ И ТАТЬЯНА

ГЛАВА 1

Время мести настало! Враг поплатится за свои преступления. Но сумеет ли Алексей сделать, что задумал? Мысли, словно стая хищных птиц, роились в его голове. Только так он сможет побороть сводящее с ума одиночество...

Отдав швейцару свое старое пальтишко, Алексей поднялся по большой мраморной лестнице наверх. Приемная зала была заполнена людьми: он оказался далеко не единственным посетителем в то утро. Алексей чувствовал сильное волнение; взглянув в огромное венецианское зеркало, он увидел собственное отражение — бледный высокий молодой человек в мундире инженера, длинные темные волосы аккуратно зачесаны назад, открывая высокий лоб, большие темные глаза, в которых горит странный огонь. Алексей поправил тесный воротничок, натиривший шею, и шагнул в приемную.

И тотчас окунулся в гул голосов. Зажав двумя руками папку, Алексей попытался собраться с мыслями и изобразить полное равнодушие, но у него плохо получалось. Ведь об этом моменте он мечтал долгие годы, столько раз он виделся ему во сне, и вот наконец его давняя мечта сбылась: он — в доме у врага. И пришел он сюда, чтобы врага уничтожить.

Постепенно волнение улеглось, и Алексей осмотрелся. Приемная зала, как он того и ожидал, была обставлена богато и безвкусно — стены обиты пурпурным шелком, на высоких окнах — тяжелые портьеры, несколько картин с вида-

ми Урала и Сибири, в центре залы — большая стеклянная витрина, в которой находится макет одного из заводов, принадлежащих врагу.

Алексей подошел к витрине и внимательно осмотрел ее. Крошечные человеческие фигурки из воска, застывшие перед домами, в которых бушует огонь из папье-маше. Бронзовая табличка огромных размеров, на которой начертано так, что нельзя не увидеть: «Изображение сталелитейной домны Усть-Кремчужного металлургического завода, собственность Афанасия Игнатьевича Беспалова».

А ведь она могла бы принадлежать мне, подумал Алексей, отворачиваясь. Вернее, она и принадлежит мне, как и множество других заводов и фабрик, обладателем коих является сейчас достопочтенный Афанасий Игнатьевич. Беспалов украл их у отца Алексея! И вот наконец настало время платить по счетам. Он оказался здесь, чтобы покарать врага.

Правая рука молодого человека незаметно опустилась в глубокий карман мундира. Алексей нащупал крошечный бельгийский револьвер фирмы «Лепаж». Он ведь великое множество раз представлял себе, как оказывается один на один с врагом, приставляет к голове револьвер, и враг, упав на колени, начинает слезно просить прощения и каяться, перечисляя свои грехи и сознаваясь в одном из первых, но далеко не последнем преступлении, совершенном больше двадцати лет назад.

Алексей знал, что так легко не выйдет. Однако он должен попробовать, должен отомстить. Смерть отца и матушки, гибель брата и сестры. И во всем виноват враг. Тот самый враг, в доме которого он находился и чьего появления в приемной зале ждал с таким нетерпением. Врагу принадлежал не только этот петербургский особняк на Фонтанке, но не меньше двух дюжин доходных домов как в столице, так и в Москве, а помимо того — четыре банка, несколько страховых обществ, ряд заводов и фабрик, бумагопрядильни, судходная компания и обширные землевладения в Центральной России, Сибири, на Украине и в Польше.

Враг звался Афанасием Игнатьевичем Беспаловым и был одним из самых богатых, уважаемых и влиятельных деловых людей Российской империи, как, впрочем, и одним из наиболее хитрых. Нувориш по праву считался «химическим ко-

ролем» страны, он постоянно утверждал, что за химией будущее, и намеревался в течение ближайших двадцати лет завоевать и международный рынок — одной России для него давно стало мало.

Беспалов чем-то походил на американских мультимиллионеров, которые добиваются всего, начиная с самого низа. Так было и с ним — когда-то он был обыкновенным молодым приказчиком, обладающим тем не менее поразительным чутьем. Так он и сколотил первоначальный капитал: хозяин, на которого работал Беспалов, разорился, и его лавка отошла ушлому Афанасию. В дальнейшем он часто использовал такой трюк — втирался в доверие, обольщал, обманывал, а в итоге обирал простаков как липку. А затем судьба свела его с профессором Спасовичем...

Алексей на мгновение закрыл глаза, пытаясь отогнать страшные воспоминания — он открывает дверь кабинета и находит мертвого отца, — но у него ничего не получалось. Ужасная картинка стояла перед глазами. Он твердо сжал рукоятку револьвера. Ну что же, час пробил, господин Беспалов!

Большие часы, стоявшие в углу, давно отсчитали двенадцать ударов, однако хозяин не спешил выходить в приемную залу. Беспалов любил припоздниться — видимо, считал, что в ожидании все должны проникнуться трепетом, ощутить его величие. «Как же это дешево и смешно!» — усмехнулся про себя Алексей. Его глаза неотступно следили за минутной стрелкой. Прошло десять минут, пятнадцать, но Беспалов все не появлялся. А вдруг року угодно, чтобы сегодня ничего не вышло? Тогда весь план Алексея пойдет насмарку. Многие годы, которые понадобились ему, чтобы подобраться к Беспалову и разработать план мести, окажутся потраченными впустую. И эта роковая случайность, что помогла ему обрести чужую личину...

Высокие белые с позолотой двери внезапно распахнулись, появились двое лакеев в смешной старинной форме — зеленое с серебряными позументами облачение, на головах — напудренные парики времен матушки Екатерины. Беспалов, несмотря на то, что являлся миллионером и поднялся на одну из самых высоких ступеней социальной лестницы, в душе оставался плебеем и выскочкой. Поэтому и

требовалась помпа, облаченные в ливреи дворецкие, опоздание почти на двадцать минут. А также, как шептались в столице, готовился брак единственной дочери самоназначенного «химического короля» с представителем одной из наиболее древних, но обедневших фамилий империи: в планы Беспалова входило породниться с титулованным дворянским родом.

Лакеи замерли по обе стороны дверей, как изваяния, вслед за ними в залу вошел церемониймейстер, одетый не менее опереточно, чем лакеи, и, ударив по паркету огромным сверкающим жезлом (более походившим, как решил Алексей, на посох царя Берендея из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка»), на удивление писклявым голосом оповестил собравшихся, которые, конечно же, в нетерпении повеличали взглядами странное действо:

— Афанасий Игнатьевич Беспалов!

Раньше, как знал Алексей, церемониймейстер долго и нудно перечислял «титулы» Беспалова — тот разнообразными хитростями удостоился нескольких докторских степеней *honoris causa*¹, был кавалером ряда отечественных и зарубежных орденов. Однако после того, как царь, встретившись как-то с Беспаловым, с легкой иронией попенял миллионеру на то, что тот-де устраивает свои выходы не менее помпезно, чем сам самодержец, Афанасий Игнатьевич изменил церемониал: теперь выкрикивалось только его имя — и ничего более, что делало происходящее не менее величественным и, по мнению Алексея, не менее смешным.

Но даже после того, как слуга оповестил присутствующих о том, что вот-вот появится хозяин, Беспалов не счел нужным пройти в приемную залу. Он, как временщик из канувшего в Лету пышного восемнадцатого столетия, заставлял с трепетом ждать собственную персону, цинично полагая, что те, кому он нужен, будут ждать и час, и два, пока он не соизволит возникнуть в поле зрения.

Разговоры в приемной зале стихли, кое-кто даже наклонил голову в оттренированном поклоне, на многих лицах возникли угодливые, сервильные улыбки. Алексею сдела-

¹От лат. «ради почета», то есть без представления диссертации.

лось до тошноты противно, — тем, кто добивается милостей от Беспалова, остается при его появлении только склониться в поклоне или, лучше всего, пасть ниц, приветствуя его, как какого-нибудь восточного сатрапа или египетского фараона.

Но ведь и ему самому, чтобы привести в исполнение план, потребуется унижаться перед Беспаловым. Готов ли он к расшаркиванию перед человеком, который виноват в трагедии, случившейся с его семьей, с человеком, обокравшим отца и заставившим профессора Спасовича покончить с собой?

Алексей замер у витрины, чувствуя, что никакая сила не заставит его склонить голову перед Беспаловым. Наконец появился тот, кого он больше всего ненавидел и кто являлся для молодого человека врагом, — Афанасий Игнатьевич Беспалов собственной персоной.

Алексей много раз видел его изображения — то в газетах, то в синематографе, во всех магазинах или банках, принадлежащих Беспалову, на видном месте, подле изображения государя императора, висел портрет хозяина. И вот он оказался лицом к лицу с врагом!

Беспалову было под пятьдесят, однако выглядел он старше, видимо, из-за густой седеющей бороды. Высокого роста, практически лыс, орлиный нос и глубоко посаженные голубые глаза придавали лицу хищное выражение. Одет миллионер был безукоризненно, по последней парижской моде — в светло-серый приталенный пиджак, который не мог скрыть мощную фигуру Беспалова, начинавшего когда-то в Сибири с того, что сплавлял плоты по бурным рекам. На одном из пальцев правой руки сверкал перстень с огромным рубином, на другой — с гигантским бриллиантом. «Надо же, какая безвкусица», — подумал Алексей, понимая, однако, что украшения стоят не меньше, чем петербургский особняк, в котором он сейчас находится.

Враг получал явное удовольствие от собственного триумфа — голубые глаза смотрели дерзко и нахально, а на лице, словно высеченном из камня, были написаны превосходство, пресыщенность и скука. Алексей только крепче сжал рукоятку револьвера.

Беспалова тотчас окружили посетители, пытаясь донести

до него суть своих просьб. Алексея от Беспалова отделяла колышущаяся человеческая волна, преодолеть которую он даже при желании был бы не в состоянии.

В этот момент в приемную залу вошел невзрачный тип — с сутулой спиной, рыжеватой козлиной бородкой, в затертом мундире. Окинув его взглядом, Алексей тотчас забыл о нем, однако внезапно услышал громкий дрожащий голос:

— Расступитесь, сволочи!

Необычное в подобной ситуации обращение «сволочи» вызвало легкое недоумение среди собравшихся. Оказалось, что слова были произнесены тем самым субъектом с рыжеватой бородкой, что явился на прием к Беспалову последним.

Хозяин, мгновенно оценив ситуацию и поняв, что перед ним находится возмутитель спокойствия, кивнул лакеям, и те, как церберы, устремились на посетителя с явным намерением скрутить его и спустить с лестницы. Однако еще до того, как лакеи настигли его, тип вытащил из кармана правую руку, и в ней оказался револьвер, как две капли воды похожий на тот, что был у Алексея.

— Стоять! — заявил он и, воздев оружие к потолку, выстрелил.

Последовал оглушительный треск, и все в приемной зале замерли, как будто были то не люди, а каменные изваяния. Довольный произведенным эффектом, бородатый тип оттолкнул в сторону одного из посетителей и заявил:

— Кто хочет жить — в сторону! Мне нужен капиталист-кровопийца Беспалов.

Посетители, только что окружавшие Афанасия Игнатьевича, как дрессированные собачки окружают в цирке укротителя, немедленно расступились, замороженно наблюдая за происходящим. Тип приблизился к Беспалову, более походившему сейчас на собственный скульптурный портрет, и развязно произнес:

— Ну, эксплуататор рабочего класса, пришел конец твоему владычеству!

Он направил на Беспалова револьвер, и по залу пронесся стон.

— Что, страшно, гнида? — продолжал субъект, который,

как понимал наблюдавший за происходящим Алексей, являлся террористом-революционером.

К угрозе со стороны левых подпольных организаций давно привыкли и с ней даже отчасти смирились, невзирая на то, что жертвами подобных безумцев в разное время стали император Александр II, его сын, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, министр внутренних дел Плеве, а чуть более двух месяцев назад премьер империи Столыпин.

Алексею была отлично видна спина субъекта, грозившего револьвером Беспалову. Надо же, ведь он сам мечтал об этом — оказаться с оружием один на один с врагом. Однако его фантазии не сбылись — Беспалов вовсе и не думал плакаться или каяться, вымалывать собственную жизнь или трусливо убегать: миллионер стоял как столб, вперив в террориста тяжелый взгляд голубых глаз из-под густых бровей.

— Господа... — начал революционер и поправился: — Я хотел сказать — товарищи! Перед вами находится типичный представитель класса эксплуататоров, угнетатель рабочего класса, воротила, наживающийся на чужих страданиях и строящий свое миллионное благосостояние на крови наших с вами братьев и сестер...

— Заткнись, сопляк, — раздался бас Беспалова, и террорист, ошарашенный незапланированной реакцией жертвы, даже покачнулся. Миллионер, лоб которого пересекла поперечная морщина, продолжил негромко, но его голос разносился по всей приемной зале, ибо в ней царила гнетущая тишина: — А ты, как я вижу, представитель касты неудачников, лентяев и умственных импотентов. Вместо того чтобы вырваться из болота, в котором ты оказался, предпочитаешь валить собственные грехи на других, считаешь, что, уничтожив парочку богатеев, сотворишь для народа добро? Да народ чихать хотел на таких лодырей и идиотов, как ты!

— Что вы... что ты себе позволяешь? — в смятении произнес революционер. — Вы... ты должен молчать, когда я произношу речь! Я тренировался долго...

Беспалов, закинув голову назад, расхохотался, и от этого холодного смеха по спине у Алексея пробежали мурашки.

— Ты, вошь, даже убить меня, капиталиста и вурдалака, сосущего соки из рабочего класса, не можешь, — сказал он

жестко. — Так что давай, охламон, стреляй в меня. Ну, слышишь, стреляй. Живо, стреляй!

Беспалов, ухмыляясь, смотрел в глаза революционеру. Тот, первым не выдержав, отвел взгляд. Рука, в которой был зажат револьвер, дрогнула. Вот и все, подумал Алексей. Со мной было бы то же самое — я бы не смог спустить «собачку». И не потому, что убить человека так сложно, а оттого, что Беспалов демонстрирует моральное превосходство и ни капельки не боится. Да, план Алексея пошел прахом...

— Ну что, козлорородый, кишка тонка? — спросил с усмешкой капиталист. Затем он протянул руку к революционеру и потребовал: — Отдай мне револьвер и катись на все четыре стороны. Я даже в полицию на тебя заявлять не буду. Иди к своим единомышленникам-придуркам и сообщи, что Беспалов никого не боится — ни бога, ни черта, ни таких бастардов, как ты, уж точно! Эх, даже застрелить врага рабочего класса не в состоянии!

Революционер, весь запал которого уже прошел, был готов вручить Афанасию Игнатьевичу револьвер, как вдруг раздался властный женский голос:

— Степан, не смей делать этого!

Алексей обернулся и увидел девушку вряд ли старше двадцати, ослепительно красивую, стоявшую на пороге приемной залы. Завидев ее, рыжебородый революционер расплакался и простонал:

— Верочка, я не могу! Я просто не могу...

— Зато я смогу, — твердо ответила та и уверенным шагом подошла к своему трясущемуся единомышленнику.

В руках она держала большой черный портфель. Расстегнув его, девица вынула из него странное приспособление, взглянув на которое Алексей тотчас понял (все-таки его профессия — инженер): адская машина, причем колоссальной силы!

Беспалов переменялся в лице, Алексей уловил на нем замешательство и даже легкую тень страха. Еще бы, ведь юная бомбистка, в отличие от козлорородого, была явно готова идти до конца. А взрыв в особняке лишит жизни если не всех присутствующих, то очень-очень многих.

— Прошу вас, послушайте... — начал Беспалов уже заис-

квивающим тоном, но девица, сноровисто соединив проводки в адской машине, оборвала миллионера:

— Придется приводить в исполнение план «Б». Я давно мечтала о том, чтобы избавить землю от такого гада, как вы, господин Беспалов.

— Но погибли другие, ни в чем не повинные люди... — заявил соратник девицы, на что та холодно ответила:

— Это будут первые жертвы новой революции. Итак, Афанасий Беспалов, революционный трибунал приговаривает вас к смерти за нещадную эксплуатацию рабочего класса и беззастенчивое стяжательство. Приговор надлежит привести в исполнение немедленно.

Девица прижала бомбу к груди, и в тот момент, когда она была готова взорвать ее, Алексей, повинувшись более инстинкту, чем разуму, вытащил из кармана револьвер и выстрелил в революционерку. Та, вскрикнув, осела на пол. Беспалов, рыча, бросился на девушку — Алексей заметил, что «химический король» схватил ее за горло и пытается удушить.

Среди посетителей возникла паника, гости устремились к выходу, отпихивая друг друга, крича, галдя и ругаясь. На подмогу Беспалову подоспели лакеи, скрутившие истекавшую кровью девушку (пуля попала ей в плечо).

Рыжебородый революционер, на которого уже никто не обращал внимания, на карачках подполз к адской машине, лежавшей на паркете, схватил ее и, выпрямившись, дико заорал:

— Теперь я не боюсь умереть! Имя мое войдет в историю, я стану вторым Каракозовым или третьим Гракхом! Сдохни, капиталист поганый!

И вслед за тем он запел по-французски «Марсельезу». Тонкий палец бомбиста опустился на кнопку, он, выкрикивая слова революционной песни, нажал ее и... Ничего не последовало. Беспалов, замерший около недвижимо лежащей девушки, крикнул слугам:

— Скрутите болвана! Их бомба ни черта не работает. Да уж, с такими криволапыми только мировую революцию делать — даже адскую машину нормальную собрать не в состоянии, дилетанты.

Но в тот момент, когда к рыжебородому метнулся один

из лакеев, из адской машины повалил серый дым. Внутри ее пронзительно зажужжало, и Алексей понял: бомба сейчас сработает. Лакей застыл в ужасе, а затем шмякнулся на пол, сорвав парик и закрыв им лицо.

Алексей же метнулся к революционеру, продолжавшему распевать «Марсельезу», со всей силы толкнул его. Рыжебородый пошатнулся, Алексей толкнул его еще раз, намного сильнее, чем в первый. Машина оглушительно трещала, из нее сыпались искры, и серый дым сменил цвет на черный. Алексей прыгнул на революционера, увлекая его к большому окну, — затрещали рамы, послышался звон разбитого стекла, вопль рыжебородого, летевшего вниз... Алексея от падения в последний момент удержало то, что он запутался в тяжелых портъерах. В лицо ему ударил холодный ветер, грудь напоролась на стекло — и раздался оглушительный взрыв, который ослепил молодого человека и накрыл его, словно саваном...

ГЛАВА 2

Профессор неорганической химии Петровской академии Павел Алексеевич Спасович познакомился с Беспаловым в июле 1891 года. Беспалов, в то время начинающий коммерсант, сам навестил его в небольшом особняке в Трехпрудном переулке, где профессор снимал верхний этаж.

Беспалов сразу же понравился профессору Спасовичу — моложавый, но такой солидный, уверенный в себе выходец из народа, самоучка — если уж не новый Ломоносов, так во всяком случае — новый Вандербильд. Целью визита коммерсанта Беспалова (к тому времени обобравшего хозяина писчебумажной лавки, где он начинал приказчиком) были исследования профессора, о которых писали в газетах. В «Московских ведомостях» сообщалось, что Павел Алексеевич сделал доклад на заседании Академии наук, где поведал о совершенно новых перспективах в химической индустрии. Правда, доклад был принят маститыми коллегами более чем прохладно — профессора Спасовича считали фантазером и таким московским Жюлем Верном, который смешивает реальность с выдумкой и выдает желаемое за действительное. Поэтому и тон статьи был снисходительно-

поучительный, и делался вывод, что предложенные профессором новации в химической сфере никогда не будут осуществлены, ибо утопичны, чрезвычайно дорогостоящи и, собственно, совершенно излишни для человечества в целом и для Российской империи в частности.

Павел Алексеевич, который вначале упорно не желал принимать Беспалова, почему-то считая его репортером, намеревавшимся опубликовать еще один злобный пасквиль, наконец согласился увидеть просителя, заявив, что в состоянии уделить ему не более четверти часа.

Когда три с половиной часа спустя, уже поздним вечером, гость покинул кабинет профессора, Павел Алексеевич, проводив гостя до калитки, где долго тряс ему руку, вернулся в апартаменты и сообщил супруге, Лидии Гавриловне, как раз укладывавшей спать пятилетнего сына Алешу:

— Лидочка, душа моя! Этот бесподобный человек, Афанасий Игнатьевич Беспалов, послан нам небом. Хотя, как ты знаешь, я в Бога не верю, почитаю его выдумкой человеческого мозга, который не в состоянии адекватно оценить и объяснить все процессы окружающего нас мира.

Лидия Гавриловна, зная за супругом отвратительную привычку изъясняться витиевато и путано, приготовила цветочный чай, испив которого профессор наконец выложил детали беседы с Беспаловым. Оказывается, тот был пленен гением профессора Спасовича, уверял, что полностью согласен с выводами его доклада, и, самое важное, обещал финансово обеспечить работу в лаборатории, дабы Павел Алексеевич имел возможность доказать свою теорию.

Беспалов не обманул: работа началась ровно через неделю после сей знаменательной встречи. Он выкупил у хозяйки, генеральской вдовы, особняк, где обитал профессор Спасович, и оплатил переделку первого этажа, подвала и сарая под лабораторию. Профессор души не чаял в своем «милом меценате», как он теперь именовал Беспалова. Тот же уверил профессора, что ему не о чем беспокоиться, а задача ученого состоит в том, чтобы усердно работать над практическим воплощением теоретических выкладок.

Так прошло полтора года — к тому времени в семействе Спасовичей появилось пополнение: Лидия Гавриловна родила в ноябре 1892 года очаровательных двойняшек, Гав-